

УДК 929.652"14"

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВОСТОЧНОЙ НУМИЗМАТИКИ – ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА (2)*

П.Н. Петров

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

Статья содержит сжатое представление наиболее актуальных вопросов восточной средневековой нумизматики. Автор подчеркивает важность использования данных нумизматики для изучения экономической ситуации в государствах и в отдельных регионах; динамики товарно-денежных отношений; характера денежной политики, проводимой властью; структуры денежного обращения в государстве; административного устройства государства и его изменения во времени; политической декларации своей власти эмитентами монет; указания на отношение к той или иной религии; очередности и хронологии правлений и многих других аспектов восточной истории. Параллельно в статье указывается на определенную ограниченность нумизматики в качестве исторического источника. Автор указывает на невозможность сформулировать шаблонные подходы, правила, законы, соблюдение которых в нумизматических исследованиях всегда приводило бы к получению всей необходимой и стандартизированной по характеру информации. Нумизматические объекты являются полипараметрическими, и параметры эти в большинстве случаев оказываются информативными и могут быть раскрыты лишь для конкретно-исторических ситуаций и для конкретных отрезков времени, в конкретных государствах.

Ключевые слова: средневековая восточная нумизматика, монетные легенды, эмитент и титулы, монетный металл, монетные дворы, датировка монет, изображения на монетах, картуш, религиозные символы, тамги.

Метрологические характеристики монет и кладов в качестве источника информации

Метрологическими характеристиками являются такие характеристики монеты, которые можно измерить: диаметр (размеры), толщина, площадь монеты, вес, состав монетного сплава, толщина поверхностного покрытия для субэратных и посеребрённых (позолоченных) монет. Каждый из параметров и их совокупность несут свою информацию о монетном производстве, технологических операциях, соблюдении или изменении параметров производимой монетными дворами продукции.

Диаметр монет связан с формированием облика монеты, и этот параметр также характеризует приемы, использовавшиеся при изготовлении монетных заготовок. Форма гурта монеты также подсказывает, как именно происходило расплющивание заготовок. Диаметр монет старались выдерживать с определенным допуском с тем, чтобы потребитель продукции мог легко различать номинал монеты. Однако это не касается монет, битых по системе *эль-марко*, то есть изготовленных по принципу: определенное количество монет из ме-

* Окончание статьи. Начало см.: Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 177–206.

талла определенного веса, без установления требования об одинаковости веса каждой монеты.

Толщина монет – параметр, как правило, связанный с характеристикой технологического процесса изготовления монетных заготовок. Степень разнотолщинности поверхности монет легко устанавливается с помощью измерительных приборов и определяет качество чеканки. Значительная разнотолщинность монет приводит к непрочекану изображений. Мизерная разнотолщинность говорит об использовании заготовок, вырубленных из заранее изготовленного листа (например, таковыми являются дирхамы Алмалыка, битые в середине XIII века в Монгольской империи).

Площадь монеты – один из важнейших метрологических параметров монет, помогающий оценить степень истирания монеты в процессе обращения. К сожалению, в настоящее время этот параметр не принят нумизматами в качестве одного из важнейших, и пока активно используется именно диаметр (или размер – для некруглых монет). В то же время большинство «круглых» средневековых монет имеет слишком большой допуск по диаметру, измеренному в разных направлениях на одной монете, и назвать их круглыми сложно.

Вес монеты и проба монетного металла – самые активно изучаемые и отражаемые в публикациях параметры. Значимость весового параметра велика, особенно для монет из драгоценных металлов (серебро, золото). Несмотря на то, что вес одной монеты необходим для ее атрибуции (в общем случае – для установления номинала), наибольшую информативность этот параметр приобретает при анализе весовых характеристик массы одинаковых монет. Особое значение имеет анализ значений весов монет кладов. Любой анализ метрологических параметров некоторого количества монет опирается на статистические методы обработки, а следовательно, носит вероятностный характер. Именно по этой причине анализ весовых характеристик реальных монет далеко не всегда может нам указать точную весовую норму их чеканки. Изменения весовых норм чеканки, как правило, фиксируют проведение реформирования в монетном деле и монетном обращении. Значение же денежных реформ хорошо понятны и существенны для оценки экономического состояния как регионов, так и государств. Конечно, монетные реформы всегда направлены на оптимизацию товарно-денежных отношений как внутри страны, так и для внешней торговли. Монетные реформы сопровождаются обычно не только изменением весовых норм чеканки монет, но и изменением пробы монетного металла (для серебряных дирхамов), их облика и оформления. Поэтому наиболее часто реформы обнаруживаются исследователями сначала по внешним признакам монетной продукции монетных дворов, а уже потом – по результатам анализа метрологических параметров.

Определение денежной единицы как количества драгоценного металла, принятое в данное время в данном государстве (иногда регионе) за масштаб цен, указывает на значимость параметра – содержание драгоценного металла в монетном металле, на его пробу. Изучение исключительно весовых характеристик золотых и серебряных монет без учета пробы монетного металла ведет к ошибочным выводам и иногда к фантастическим теоретическим построениям. Однако установление количества драгоценного металла в монетном сплаве является дорогостоящим и не быстрым исследованием. Кроме того, исследователь обязан хорошо разбираться в физико-химических мето-

дах исследования, в металловедении, представлять технологию изготовления монет. Сейчас нам приходится иметь дело с монетами, которые были изготовлены сотни лет назад, хранились в разных условиях, что сказалось на изменении поликристаллической микроструктуры монетных металлов. В большинстве случаев можно постараться избежать искажений полученных данных, используя интегральный метод оценки количества, например, серебра в монетном сплаве – количественный химический метод титрования. Сопоставляя данные этого метода с другими, сложными в аппаратурном оформлении методами, исследователь имеет возможность дать объективную оценку о количестве серебра в монетном сплаве изучаемых объектов.

Информационная составляющая анализа метрологических параметров продукции монетных дворов в динамике, анализа кладовых монет, сравнительного анализа монетного дела и монетного обращения разных государств представляет собой огромный объем конкретных данных, позволяющих понять многие процессы, протекавшие в экономике средневековых государств, отследить принципы взаимодействия денежных систем различных государств и т.п. Описать все это здесь нет возможности, тем более что многое можно почерпнуть в публикациях [56; 60; 61].

Монеты в археологии в качестве источника

Археологические объекты разнородны по своим характеристикам: городища, селища, средневековые дороги, отдельно стоящие ярмарочные площадки, захоронения. Каждый из этих памятников может содержать некоторое количество монет. По характеру находимых монет можно, например, говорить об относительном уровне торговой активности в населенном пункте, районе, области или регионе, о хронологических рамках товарно-денежных отношений и некоторых других индивидуальных особенностях жизни населения, связанных с торговыми операциями. То есть можно постараться проследить особенности конкретно-исторического варианта развития товарно-денежных отношений на изучаемой территории. Наиболее информативным и надежным является комплексное исследование памятников с учетом археологических данных, письменных и нумизматических данных [16]. Иногда исследователи, не имея, например, сведений археологического характера о средневековом населенном пункте, пытаются по одним находкам монет делать выводы о трудовой специализации населения. Так, в статье В.П. Лебедева и В.Б. Клокова присутствует фраза: «Таким образом, обилие находок на Каменном Бугре медных монет всего XIV в. и лишь нескольких экземпляров серебряных указывает, что в это время населенный пункт являлся сельскохозяйственным пригородом Сарая» [28, с. 138]. Конечно, сами по себе находки, их состав и количество ни при каких условиях не могут свидетельствовать в пользу какой-либо специфики трудовой деятельности людей. Нумизматический источник не несет такой информации! Но обилие находок медных монет и практическое отсутствие серебряных позволяют сделать вывод, что население было связано с мелкотоварным производством. Характер же этого производства можно установить исключительно по данным археологии.

Существуют серьезные различия в информативности монетных находок и кладов для археологических памятников разной длительности существования. На территории городов, существовавших длительное время на одной и

той же площадке и имеющих много строительных горизонтов, находки монет способны раскрыть все этапы жизни средневекового города за его многовековую историю – от его зарождения до гибели. Специфика работы с такими нумизматическими материалами заключается в необходимости учитывать их местоположение в строительных горизонтах. Эти горизонты являются серьезной подсказкой при построении хронологической шкалы для монетного обращения. Средневековые города, жизнь в которых была краткосрочной, характеризуются единой совокупностью найденных монет, а учет положения монет в слое далеко не всегда эффективен для извлечения информации. Это усложняет процесс выделения этапов развития города и заставляет исследователя создавать свою хронологическую шкалу притока тех или иных монет в данный город, опираясь на логику рассуждений. То есть каждый из археологических памятников Средневековья индивидуален, и для каждого из них можно составить нумизматический паспорт, основными характеристиками которого должны являться: хронологический состав монетной массы, процентный состав по продукции монетных дворов, количество найденных кладов; интенсивность тезаврации кладов по периодам жизни города. Сравнение данных таких паспортов для городов и их окружи позволит выявить направления монетных потоков в динамике, составить общую картину возникновения, развития и угасания городов региона и оценивать относительный уровень товарно-денежных отношений в государствах. Такого рода информации невозможно найти ни в одном письменном источнике Средневековья.

В данном разделе невозможно осветить все вопросы, связывающие нумизматические находки с археологическими памятниками, поэтому в качестве примера будет затронут лишь один теоретический аспект – нумизматический источник из захоронений.

При изучении погребений и погребальных комплексов любой исследователь решает несколько задач, среди которых наиболее важными являются, как минимум, две: 1. Хронологическая атрибуция памятника; 2. Этнокультурная атрибуция [34, с. 6]. То есть датировка захоронения – отправная точка и одна из тех задач, без решения которой конкретные выводы по проведенным раскопкам погребений делать невозможно.

Как правило, археологи при изучении средневековых погребений имеют дело с неполными комплексами. Полностью сохранившееся захоронение представляет собой комплекс, как минимум, из двух самостоятельных объектов: 1. Собственно захоронение, которое и удастся обнаружить в ходе раскопок (речь идет о комплексе – конструкция погребальной ямы, останки погребенного, сопровождающий его погребальный инвентарь и т.п.); 2. Надгробный памятник. Конечно, в тех случаях, когда надгробные памятники устанавливались и несли эпитафии. Например, характерные для мусульманской культуры такие именные надгробия во множестве находились и находятся не только в ходе археологических раскопок, но и при изучении местности. Эти каменные памятные плиты, «гальки», а также призматические каменные надгробия, каменные стелы, глазурованные надгробия и просто кирпичи, обожженные с эпитафикой, имевшие сведения об усопшем и год его захоронения, в большинстве случаев на своем месте до наших дней не «доживают». Они часто оказываются безвозвратно утраченными, в том числе еще в Средневековье. Обнаруженные в стороне от места их первоначальной установки, иногда в фундамен-

тах построек соседних населенных пунктов или иных строительных сооружений, эти памятники эпиграфики превращаются в самостоятельный источник информации, увы, не связанный с конкретным захоронением, и не помогают датировке раскапываемых захоронений. Так или иначе, а археологам чаще всего приходится датировать захоронения по тем находкам, которые обнаруживаются в ходе раскопок, основываясь на базовых, археологических принципах и методах. Исследователи стараются использовать все доступные и возможные методы датировки каждой из находок, что в результате их анализа позволяет установить наиболее вероятный хронологический интервал, в который было произведено захоронение. Естественно, что, чем больше характерных (надежно датируемых) артефактов, чем разнообразнее их ассортимент в погребении, тем точнее устанавливается время захоронения.

Большой удачей является находка в погребении монет, поскольку считается, что они в большинстве случаев датируются и датируют такого рода археологический объект очень точно. Однако в действительности вопрос датировки захоронения по нумизматическим артефактам не так прост, как кажется на первый взгляд. Он сводится к установлению времени попадания младшей монеты (или монет, если их несколько) в погребение, что далеко не то же самое, что установление года ее выпуска на монетном дворе (или монетных дворах).

Сразу хочется отметить, что здесь не постулируются рецепты и не приводятся шаблоны для принятия решения о датировке захоронений по найденным в них монетам, поскольку в большинстве конкретных случаев требуется применение индивидуального подхода к изучению этого вопроса для каждого погребения. Обобщение же приемов и способов датировки захоронений по монетам пока представляется автору преждевременным. Именно поэтому мы воздержимся от различных примеров, каждый из которых было бы необходимо рассматривать подробно и давать оценку правильности интерпретаций датировок, данных авторами публикаций. Целью настоящей публикации является попытка сформулировать рабочий, в значительной степени формальный, методологический подход к датировке захоронений по обнаруженным в них монетам. При этом проблемы статусности монет в погребении (смысловая нагрузка их помещения в «жилище» покойника) подробно не затрагивались, поскольку эта сторона вопроса, по нашим представлениям, никак не может помочь датировке захоронения, но может внести лишнюю долю субъективизма при принятии решения об этом самом статусе в каждом конкретном случае. Например, как считает Р.А. Даутова, арабграфичные монеты, например, в горских погребениях Северного Кавказа нередко воспринимались как талисманы, обереги и амулеты [19, с. 75–78]. Но как это влияет на то, какая монета будет выбрана для помещения в погребение? Соответственно в захоронении может оказаться как давно вышедшая из обращения монета, в том числе иноземная, так и современная захоронению, изъятая из кошелька.

Первый шаг исследователя при изучении нумизматического памятника из погребения заключается в его классификации на основании предварительной атрибуции (монета это или монетовидная поделка, установление века выпуска монеты, принадлежности тому или иному государству). Нумизматические находки удобно анализировать, предварительно разбив на группы по следующим признакам:

А. По месту их обращения:

- 1) монеты, изъятые из обращения в данной местности;
- 2) монеты не из обращения, использовавшиеся в качестве «украшений», но характерные для обращения в данной местности;
- 3) монеты иноземные, не использовавшиеся в обращении в данной местности.

Б. По монетному металлу:

- 4) монеты из благородных металлов (серебро, золото), т.е. полноценные деньги;
- 5) монеты медные (или из сплавов меди), т.е. неполноценные деньги, обрешавшиеся по принудительному курсу.

В. Монетовидные изделия, в том числе изготовленные специально для отправления погребального ритуала:

- 6) монетовидные пластины не из благородных металлов;
- 7) монетовидные пластины из благородных металлов, как правило, из серебра (к их числу следует причислить брактеаты-дирхамы X в.).

Г. По количеству монет в захоронении:

- 8) единичные монеты (от одной до нескольких штук в разных местах погребения);
- 9) большое количество монет (клад при усопшем) в одном месте захоронения (десятки и сотни монет).

Каждая из групп нумизматических объектов датируется с учетом их индивидуальных характеристик. Здесь будут рассмотрены только вопросы, связанные именно с монетными находками (№№ с 1-го по 5-й и 8-й. Изучение монет, относимых к № 9, необходимо проводить в том же порядке, что и изучение обычных монетных кладов! Понятно, что датировка захоронения по найденному в самом погребении кладовому комплексу будет наиболее точной, возможно, в ряде случаев – с точностью до 1–3 лет).

Вторым шагом при решении вопроса датировки захоронения по монетному материалу является уточнение атрибуции монеты: год выпуска, название монетного двора, имя эмитента¹. Наиболее часто эта информация просто написана на монете, однако нередки случаи отсутствия выпускных сведений из-за анэпиграфичности таких монет, либо же существенной их стертости. Поэтому не для всех государств и не всегда можно установить точный год изготовления монеты и остальные атрибутивные характеристики. Нас, прежде всего, интересует год выпуска. В некоторых случаях он не ставился вовсе, например, на китайских монетах, однако там указывался девиз правления,

¹ Например, изначально ошибочная атрибуция младшей монеты из кошелька дамы из Белореченского курганного погребения № 12 (раскопки Н.И. Веселовского), относимой В.Б. Виноградовым и Е.И. и Ф.Б. Нарожными к чекану Саид-Ахмада «II» 886 г.х.=1481 г. [предположительно и из-за отсутствия на тот момент известных им аналогий], приводит к ошибочной (омоложенной) датировке погребения, на что указал М.Г. Крамаровский [24, с. 464–465]. Во всех статьях разных авторов с нумерацией ханов с именами Саид-Ахмад наблюдаются неточности из-за того, что в 2005 г. был обнаружен еще один эмитент с таким именем, и он имеет «порядковый номер I», что не учитывается публикаторами. Поэтому уточним, что Саид-Ахмад, правивший в 886 г.х., – это Саид-Ахмад III. Монета же из Белореченского погребения принадлежит Саид-Ахмаду II (около 838 г.х.) [24, с. 464–465, примеч. 11], а Саид-Ахмад I краткосрочно правил в 819 г.х. [63, с. 57–59].

который и позволяет установить хронологический интервал их отливки². Иногда год выпуска монеты оказывается за пределами отчеканенного монетного кружка. В этом случае его можно попытаться установить с помощью поштемпельного анализа монет этого типа, битых на данном монетном дворе. Удастся установить время выпуска монеты, как правило, с точностью до 1–2 лет, используя различные специальные методы их изучения (в случае с литыми китайскими монетами интервалы могут быть существенно большими).

Однако речь идет лишь о годе выпуска чеканной продукции, которая попала в захоронение явно не ранее этой даты. То есть год производства монеты, происходящей из захоронения, не позволяет удревянять датировку этого погребения, относя его ко времени более раннему, чем год выпуска монеты. Но вот временной интервал от момента чеканки и до момента попадания монеты в погребение может быть любым, сколь угодно долгим!

Мы сейчас не знаем, какими соображениями руководствовались люди, помещавшие монеты вместе с покойным, в каждом конкретном случае. Как подбирались эти монеты, специально ли выискивались уже не обращавшиеся, но завалывшиеся где-то монетки, или они изымались из обращения (или собственных накоплений)? А может быть, в могилу клались монеты, находившиеся при их владельце в момент его смерти? Не исключено, что близкие и друзья подкладывали монетки, в том числе и приезжие люди, и каждый – из своего кошелька (то есть монеты в одном захоронении могли быть изъяты из обращения в разных регионах страны). *Кто формировал эти денежные «пожертвования» в каждом конкретном случае – неизвестно!* Мало того, мы часто не знаем, был ли погребенный местным жителем, или приехавшим, или проезжавшим. О роде деятельности усопшего могли бы поведать: надгробный камень или записка при покойном, как, например, в случае с бере-

² Особо хочется остановиться на некорректной атрибуции китайской монеты династии Южная Сун авторами В.А. Бабенко (г. Ставрополь) и Ю.Д. Обуховым (г. Буденновск): «Монета из Ачикулака близка китайской монете из Маджара, относящейся к периоду правления императора Цзя-Тай (1201–1204)» [3, с. 227]. Китайская монета из Маджара была опубликована Ю.Д. Обуховым ранее [46, с. 128] с аналогичной же атрибуцией, причем со ссылкой на авторитетнейшего нумизмата в области китайской нумизматики – Нину Владимировну Ивочкину. Совершенно очевидно, что авторы не знакомы с китайской нумизматикой, в противном случае так исказить атрибуцию Н.В. Ивочкиной невозможно! **Цзя-тай** – это не имя императора, а девиз его правления, годы, когда действовал этот девиз правления, – 1201–1204 гг. Храмовое имя императора было *Нин Цзун*. Это имя давалось императору посмертно и далее употреблялось устойчиво во всех письменных источниках. Личное имя этого императора (прижизненное) – **Чжао Ко**. Он имел в течение своего краткосрочного правления лишь один указанный выше девиз. Верна мысль о том, что монета из захоронения в Ачикулаке лишь «близка» монете из Маджара. Неуверенность автора в одинаковости этих монет кроется, надо полагать, в разном их размере – маджарская 34 мм [46, с. 128], а ачикулакская – 42 мм [35, с. 231]. Но размер ачикулакского экземпляра установлен не по монете, а по рисунку. Монеты с таким девизом правления отливались (из двух металлов бронзы и железа) разных номиналов, отличающихся между собой размером, но монет диаметром более 35 мм (номиналом в 3 вэня) монетные дворы не производили. То есть диаметр рисунка явно превышает реальный диаметр самой монеты. Поэтому номинал ачикулакской монеты устанавливается только по особенностям каллиграфии иероглифов (у меньших номиналов каллиграфия отличалась). Итак, монеты маджарская и ачикулакская одинаковые – 三文钱 = сань вэнь цянь = три вэнь цянь.

стяной грамотой [62, с. 81–134 и фототаблицы], или наборы погребального инвентаря и ряд других элементов обряда – захоронение лошади, социально-престижные украшения и детали одежды, головных уборов и т.п.

Таким образом, мы не знаем самого главного, когда имеем дело с монетами из погребений – принципа подбора монет для помещения их в захоронение в каждом конкретном случае!!! Следовательно, *монеты из погребений ни в коем случае априори нельзя рассматривать в качестве монетной массы, характеризующей монетное обращение в данной местности, тем более аналогичной кладовой!* Монетные комплексы из погребений (даже небольшие) могут являться отражением местного монетного обращения для какого-то момента времени, но это каждый раз необходимо доказывать специально. И аргументы должны быть серьезными и весомыми³. Без специальных источниковедческих нумизматических исследований какие-либо выводы по этому поводу являются предварительными, немотивированными или же слабо мотивированными гипотезами.

Третий шаг исследователя при изучении нумизматического памятника из погребения – оценка длительности обращения младшей из обнаруженных монет на рынках государства (не только на прилегающей к могильнику территории), а также (если монет несколько) – оценка длительности обращения всех монет в виде комплекса. Речь идет: 1. О времени, в течение которого эти монеты присутствовали в монетной массе на рынках населенных пунктов в существенном процентном отношении (если это имело место); 2. Об интенсивности износа обнаруженных монет, по которой можно ориентировочно оценить длительность нахождения конкретных монет в обращении. Однако

³ К сожалению, некоторые исследователи допускают в этом плане серьезные просчеты, считая что: «Появление погребений с монетами позволяет по-новому рассмотреть денежное обращение в округе Маджара» [3, с. 227] – остается уточнить, что речь, видимо, идет о монетном обращении в царстве Аида, а не в округе Маджара. Но это уже за пределами возможности земной науки. В.А. Бабенко и Ю.Д. Обухов вслед за Д.В. Васильевым высказывают мнение, «...что всплеск встречаемости золотоордынских монет в захоронениях 1340–1360-х гг. следует связывать именно с ростом экономического развития Золотой Орды...» [8, с. 112; 3, с. 228] (в ссылке на Д.В. Васильева неверно указана страница, как с.144). Этот подъем, а затем и всплеск может быть связан со снижением покупательной способности серебряных монет (инфляцией), начавшей набирать обороты именно в 1360-х годах. В это десятилетие резко снизились почти все традиционные торговые отношения, как черноморские, так и транскавказские [22, с. 106–108], и хорезмийские из-за «Замятни» в Чагатайском государстве [33, с. 97–99; 9, с. 9–12]. В торговых отношениях между Золотой Ордой и ее традиционными партнерами на востоке, юге и западе в середине XIV в. наступил жесточайший кризис. Серьезный экономический допинг в конце 1350-х гг. Золотая Орда получила от захвата, хотя и кратковременного, значительной территории бывшей Ильханской державы, но это действие сложно приписать росту экономики государства Джучидов. Оно не могло спасти страну от все возрастающих экономических проблем, проблем с распространением волн эпидемии чумы, засухи и неурожаев и на этом фоне резко усилившейся борьбы за власть между Джучидами [25, с. 122–144]. Ссылка, которую использует Д.В. Васильев на работу В.Л. Егорова, указавшего на расцвет градостроительства со 2-го десятилетия по 60-е гг. XIV в. и на рост международной торговли, справедлива в данном случае отчасти, поскольку не совсем ясно, насколько однозначно можно датировать захоронения с монетами 1340-ми – 1350-ми годами, а например, не 1360-ми годами. Представляется, что это вопрос для самостоятельного подробного исследования.

последняя оценка может быть реализована при соблюдении трех обязательных условий, если:

а) обнаруженные монеты – серебряные, чеканенные с малым ремедиумом по известным весовым стандартам;

б) металл монет из погребения не сильно корродирован;

в) в захоронении присутствует достаточное количество монет для статистической обработки, причем не подрезанных в ходе последующего обращения.

Перечисленные условия существенно снижают возможности использования этого приема оценки времени тезаврации монет, однако иногда он может оказаться полезным.

Самыми важными аспектами при оценке длительности обращения монеты на рынках средневекового государства являются следующие:

– установление факта, не является ли настоящая монета подражанием раннему образцу (например, данги ханов Токты, Узбека и Джанибека первой половины XIV в. часто служили образцами для изготовления подражаний в конце XIV в., в том числе и даже в большей степени на территории русских княжеств);

– выяснение вопроса, не несет ли на себе монета следов позднейшей обрезки (в конце XIV века серебряные золотоордынские данги подвергались подрезке в некоторых регионах – особенно активно и поступательно в землях Булгар и, видимо, на Руси), что может являться датирующим признаком;

– установление некоторых технологических параметров изготовления монет;

– фиксация соответствия веса монеты весовым стандартам чеканки, а так же измерение плотности металла путем гидростатического взвешивания (эти параметры позволяют обнаружить поддельные монеты и иногда отличить позднейшие подражательные выпуски);

– установление длительности нахождения типа исследуемой младшей монеты в денежном обращении по данным составов кладов с территории всего бывшего средневекового государства.

Обстоятельства, помогающие более точной датировке захоронения по нумизматическим материалам, как правило, носят случайный характер. Например, нумизматическая находка из могильника Мокрая Балка, продемонстрировавшая одновременное нахождение в погребении синхронной монетной продукции сразу двух денежных систем – византийской и сасанидской [2, с. 7].

Подсказку для решения хронологических задач иногда могут дать некоторые особенности динамики монетного обращения в государстве. Например, если в погребении обнаружен в качестве младшей монеты один или несколько именных дирхемов хана Токты, битых в Укеке, то захоронение может быть датировано в интервале 706/1306–1307 – 710/1310–1311 гг. Причина проста: регулярная именная чеканка в Укеке длилась всего лишь указанные 4 года⁴, после чего в 710/1310–1311 гг. их обращение закончилось изъятием (форма изъятия неизвестна, но она была эффективной). Поскольку среди вы-

⁴ Здесь не учитываются анонимные выпуски Укека 689/1290 г. и анонимные выпуски неоднозначно атрибутируемых дирхемов с тибетской легендой (относящихся, судя по всему, ко времени правления Токты, примерно 690–700/1290–1300 гг.).

пусков этого монетного двора в 700/1300–1301 – 710/1310–1311 гг. было много низкопробных монет, население достаточно быстро избавилось от них. Соответственно, вероятность попадания в погребение таких монет (а тем более нескольких экземпляров сразу) в Поволжье спустя 5–10 лет после их изготовления – ничтожна. В то же время, например, обнаружение такой чеканной продукции Укека в захоронении в Нижегородской области уже не может служить точно датирующим объектом, поскольку из такой находки было бы понятно лишь одно – время прихода монеты в данный регион (в 706 – ~710 гг.х.). Но когда она попала в захоронение – остается большим вопросом, поскольку эта монета была для этих территорий практически иноземной и могла выпасть в любом году XIV века.

Такие массовые и распространенные монеты, как золотоордынские данги Узбека и Джанибека, встреченные в качестве младших монет в погребении, особенно, если количество нумизматических артефактов ограничено всего одним или несколькими экземплярами, не позволяют с необходимой точностью датировать захоронение. Датировка возможна в интервале не ранее года чеканки монеты примерно до конца XIV – начала XV в., и этот интервал может быть увеличен даже до конца XV в. Уточнение времени захоронения в данном случае обуславливается уже как специальными нумизматическими исследованиями, так и датировками иных археологических артефактов и индивидуальных особенностей погребения.

Крайне важными были бы исследования, в которых анализируются все монетные находки из захоронений одного средневекового могильника, хронологически формировавшегося на протяжении короткого промежутка времени. Такая работа, проведенная по нескольким аналогичным могильным комплексам в разных регионах, могла бы позволить выработать дополнительные критерии для хронологической атрибуции погребений по нумизматическим находкам из них и выявить этапность в проявлении этого погребального обычая, обнаружить тенденции и закономерности его использования. Причем это касается средневековых памятников как на территории русских княжеств, так и на территории Золотой Орды, в том числе и на ее высокогорном приграничье Северного Кавказа.

Следует особо отметить опасность датировки погребений по фальшивым монетам-подражаниям, изготовленным для воровского промысла, поскольку они могли быть произведены существенно позднее, чем чеканились аналогичные официальные монеты-прототипы! Именно поэтому их выявление в погребальных комплексах так важно. По сути, при захоронении могут быть положены даже не сами монеты, а символы денег, в том числе и иноземные неходячие, и фальшивые, и просто монетовидные предметы. Еще В.В. Кропоткин указывал, что подражания византийским и римским монетам, встречаемые в погребениях, не выдерживают метрологических параметров ходячих монет и являются «загробными деньгами», то есть исключительно ритуальными [26]. Датировка по таким находкам также должна осуществляться, но она будет относительной и требует максимально полного учета находок подобных артефактов и их специального изучения, поиска аналогичных одноштемпельных образцов, установления ареала их находок и т.п. То есть это вопрос каждый раз особого исследования, порой многолетнего, для каждого конкретного случая.

Кроме того, следует учитывать особую сложность датировки захоронений по монетам в пограничных регионах, где вследствие регулярных контактов людей сопредельных государств (в том числе и торговых) у населения скапливались не только свои, но и иностранные деньги. Являлись ли они средством обращения на этих территориях – вопрос отдельного исследования в каждом конкретном случае и для каждого конкретного хронологического периода. По крайней мере они могли приниматься менялами-сарафами для последующего обеспечения нуждающихся торговцев-«путешественников» в поездке за пределы своей страны и при этом не являться средством платежа в данном государстве. Особенности обнаруживаемых ныне следов средневековой монетной массы в пограничных регионах средневекового государства могут как усложнять, так и облегчать исследователю решение задачи по датировке погребений с подобными нумизматическими объектами.

Рассмотрим особенности подходов к изучению нумизматических находок из погребений по выделенным выше группам.

Первая группа монет, № 1, – изъятые из местного обращения. Как правило, принадлежность монет из захоронения к местному денежному обращению доказать непросто. Можно лишь наверняка установить, являлись ли эти монеты средствами обращения на средневековых рынках данного государства (не являются ли они иноземными или происходящими из отдаленного региона страны). Причин, мешающих такому установлению, несколько. Во-первых, как правило, монет в погребениях бывает слишком мало, чтобы проводить какие-либо статистические оценки атрибутированных находок и сравнивать их со статистическими данными о находках в этом регионе. Во-вторых, как уже указывалось ранее, неясен принцип формирования такого монетного «пожертвования» в каждом конкретном случае. Монеты для погребения могли быть выбраны по принципу меньшего веса, или размера, или качества серебра или вышедшие из обращения.

Наиболее часты случаи, когда невозможно доказать принадлежность именно этих монет местному денежному обращению. Особенно неоднозначны решения подобных задач в районах, где собственный монетный двор отсутствовал, а сам этот район входил в сферу экономического влияния одного из мощнейших центров, например таких, как Сарай, Хорезм или Крым, обеспечивавших огромную область монетной продукцией собственных эмиссий. В этом случае говорить о том, что монеты из погребения отражают характер местного денежного обращения, проблематично, поскольку все деньги на местном рынке были привозными. Отличить же монеты, изъятые из обращения в данной местности и только что привезенные (еще не успевшие попасть в обращение или вообще не предназначенные для попадания на местный рынок), практически невозможно, даже если эти монеты кажутся нехарактерными для местного рынка. То есть часто приходится учитывать не столько особенности местного (районного) денежного обращения, сколько именно областного и даже регионального. Для этого необходимо изучать параметры монетной массы, обслуживавшей региональные и областные средневековые рынки не только и не столько по составам кладов, сколько по учитываемым единичным находкам с конкретных территорий. Причем не только с археологических памятников, но и с территорий выносных базаров (ярмарок), находок вдоль средневековых дорог, у родников и т.п.

Но все это не меняет подхода исследователя к вопросу датировки захоронения по нумизматическому объекту. По-прежнему благодаря атрибуции монет довольно точно устанавливается время их выпуска, что ограничивает старший хронологический рубеж захоронения, ранее которого оно не могло быть совершено. Если монет несколько, то во внимание должна приниматься только самая младшая монета. Следует учитывать потертость монет и потерю веса в ходе обращения (если это возможно!), а также наличие следов обрезки – подобные количественные характеристики способны помочь нумизмату в определении времени ухода монет из обращения. Наиболее актуально это для монет из драгоценных металлов (преимущественно серебряных). Кроме того, надо иметь в виду, что существует естественный уход серебряных монет из обращения, а также пополнение монетной массы новыми выпусками, вследствие чего продукции монетных дворов прошедших лет в обращении становится все меньше и меньше. Анализ хронологического состава эффективен для решения нашей главной задачи в случае присутствия значительного количества монет в захоронении (достаточного для статистического анализа). Данные такого анализа сравниваются с анализом состава монетной массы из единичных находок с местных археологических памятников и с результатами анализа составов кладов.

Надо сказать, что *нередки случаи, когда кладовые комплексы, обнаруженные в районе близлежащих городищ и селищ, не характеризуют местное монетное обращение!* Это прекрасно видно по разнице составов таких кладов и комплекса местных единичных монетных находок. Поэтому, чем более полно будут учтены единичные находки с данной местности, тем точнее будет результат анализа⁵.

Первая группа монет, № 2, – монеты, использовавшиеся в качестве украшения, но взятые некогда из обращения. Это одна из самых сложных групп нумизматических объектов для датировки погребений. Хронологический интервал, в течение которого это украшение попало в погребение, может достигать десятков лет и даже больше сотни лет. Никаких общих подходов, кроме установления монеты с младшей датой выпуска, в данном случае не существует. В каждом конкретном случае исследователь-нумизмат должен искать особые реперы, которые позволят сократить интервал датировки по данному объекту. Для уточнения временных границ захоронения необходимо привлекать дополнительные археологические источники и проводить исследования. Серебряную монету с отверстием априори нельзя рассматривать обязательно в качестве украшения, поскольку такие монеты могли пришиваться на внутреннюю сторону одежды кочевников для предотвращения по-

⁵ Остается лишь сожалеть, что авторы В.А. Бабенко и Ю.Д. Обухов [3, с. 217, примеч. 1] не представляют ту колоссальную и непреходящую ценность нумизматических работ В.П. Лебедева и жителя Буденновска В.М. Павленко [30, с. 82–84; 31, с. 131–141; 29, с. 63–69; 47, с. 68; 48, с. 31–36], позволяющую оценить особенности и характер денежной массы средневекового Маджарского района. Я выражаю искреннюю признательность всем любителям и коллекционерам-нумизматам, в том числе и Владимиру Михайловичу Павленко, за сбор и публикацию информации о находках монет с конкретных территорий. Благодаря именно таким энтузиастам, любящим историю своего края и свою Родину, мы, нумизматы, как и 100, и 200 лет назад, имеем важнейший исторический источник и можем его изучать.

тери денег в ходе перемещения верхом. Пробитая серебряная, по крайней мере, монета не считалась бракованной.

Первая группа монет, № 3, – иноземные. Представляется, что достаточно просто обстоит дело, например, с китайскими монетами в средневековой Золотой Орде. Совершенно очевидно, что они не принимали никакого участия в денежном обращении Золотой Орды, а оказались здесь по воле случая. Возможно, их было больше в определенные периоды истории этого государства, но по возвращении их хозяев к себе в Китай (речь идет о посланцах, гонцах и, возможно, купцах – последнее очень неоднозначно⁶) основная масса этой литой продукции вернулась в родную ей стихию денежного обращения. Однако какие-то экземпляры и даже связки монет по воле случая остались в центральном регионе Золотой Орды. Так была найдена китайская монета в погребении Ачикулак [35, с. 231]. О пути прихода монет династии Южная Сун на Кавказ – вопрос особый, требующий специального и обстоятельного изучения.

Китайские бронзовые монеты никогда не изымались из обращения принудительно, поэтому в связках монет даже XIX века можно встретить редчайшие древние монеты, изготовленные и 200, и 500, и 800, и более лет назад. Кроме того, старые литьевые монетные формы копировались в более позднее время, и монеты старых образцов изготавливались для обращения и много веков спустя. Это усложняет решение вопроса о датировке погребения в Восточной Европе с найденной в нем китайской монетой. Кроме того, монета из Ачикулака могла быть использована в качестве пуговицы на костюме покойного, если обратить внимание на ее положение на останках костяка: «в районе нижней части грудной клетки» [35, с. 231]. В действительности находки лишь одной китайской монеты в погребении недостаточно для того, чтобы сделать однозначный вывод о дате захоронения с точностью даже до 100 лет. Сузить этот интервал может лишь знание исторических событий и кропотливый нумизматический анализ ситуации.

Довод Ю.Д. Обухова о том, что активность административных поездок из Китая в Улус Джучи возросла в правление каана Мунка и первые годы правления Хубилая, в результате которого эта монета якобы попала в Маджары [46, с. 129], не очень правдоподобен и неубедителен по той причине, что монет династии Южная Сун, по сведениям автора этих строк, практически нет ни в Синьцзяне (предварительные данные), ни в Кыргызстане, ни в Казахстане, ни в Узбекистане. А это самые короткие пути из Китая к Джучи-

⁶ Здесь хочется отметить свое категорическое несогласие с однозначностью вывода Е.И. Нарожного и Ф.Б. Нарожной [36, с. 52–61] о том, будто появление китайских монет на Северном Кавказе связано именно с торговыми отношениями Золотой Орды и Китая и что они получили здесь свое распространение. Никакого особенного распространения китайские монеты в Улусе Джучи не получали никогда, поскольку не являлись на этой территории средством платежа и обращения (то есть не были деньгами). Появление этих монет следует рассматривать лишь как материальные доказательства существовавших в XIII–XIV вв. контактов сначала с китайской частью территории Великой Монгольской империи, а потом и с державой Хубилая. О характере же этих контактов (торговые или неторговые) китайские монеты не сообщают ровным счетом ничего. Находки редких экземпляров – это явно случайные утраты столь же случайно «застрявших» монет так далеко от мест их изготовления и обращения. И кто знает, сколько лет они могли служить амулетами, пуговицами или украшениями, прежде чем попали в землю?

дам в Маджар. Но эти монеты есть, по сведениями того же Ю.Д. Обухова, в Малайе, Южной Индии и Занзибаре. А это говорит о том, что из Китая эти монеты на Кавказ попали, видимо, из Ильханского Ирана. Этот путь использовался посланцами династии Юань к Ильханам позднее – в последней трети XIII – начале XIV в., когда отношения с Чагатаидами и Джучидами были испорчены. Попасть же эта монета могла в захоронение даже в начале XIV века, когда активно посольства Юань, Чагатаидского государства и Ильханов зачастили к хану Токте по поводу создания конфедерации независимых государств во главе с пекинским кааном. Здесь еще стоит вспомнить о кладе китайских монет XIII века с Селитренного городища, о которых писал Г.А. Федоров-Давыдов [66, с. 50] и о котором упомянул Ю.Д. Обухов [46, с. 128]. Средневековый город, располагавшийся на территории современного Селитренного городища (как бы он ни назывался), возник в XIV веке, причем, по данным нумизматического источника, его экономическая активность фиксируется с 1330-х годов⁷. Соответственно и клад китайских монет XIII века, вероятнее всего, оказался в земле именно в начале XIV в., как, собственно, и китайские монеты из Маджарского района.

Поэтому младшую хронологическую границу попадания китайской монеты в захоронение следует оценить так: «1260-е – 1330-е – ...» годы.

Итак, полная датировка попадания монеты в погребение следующая: не ранее 1201–1204 гг., но не позднее (1260-х – 1310) 1360-х годов. В 1360-е годы государство династии Юань перестало существовать, а начавшиеся экономический кризис и кризис власти, судя по всему, прервали активные контакты Золотой Орды с Китаем. Точнее датировать время попадания монеты в погребальный комплекс по формальным признакам и исходя из логических построений невозможно. А предлагаемый здесь вариант оценки времени погребения как 1265–1330 гг. носит вероятностный характер. Это означает, что одной лишь китайской монеты для датировки захоронения с необходимой точностью недостаточно и необходимо привлекать другие археологические источники. Следовательно, датировка времени попадания китайской монеты в погребение Ачикулак в действительности не только не «...позволяет уточнить дату основания города» Маджар периодом до 60-х гг. XIII века, как считают авторы В.А. Бабенко и Ю.Д. Обухов, но и не позволяет даже делать такого рода предположения!

⁷ Об этом говорит, например, следующая статистика по медным пулам Сарая 721/1321 и 726/1326 гг.: на ~ 6900 проанализированных пулов с Селитренного городища приходится лишь 6 монет (~ 0,087%) этих двух годов. А монеты эти редкими не являются. В то же время в 100 км от Селитренного городища (в Зубовке на Ахтубе) среди 1040 пулов нашлось 51 экз. 721 г. и 56 экз. 726 г. (10,3% в сумме)! На городище Маджар среди 4249 пулов нашлось 133 экз. 721 г.х.; 1 – 720 г.х. и 162 экз. – 726 г. (6,97%). Невероятно большое количество их и среди единичных находок в Саратовском регионе. Если город на территории Селитренного городища построен раньше 1330 г., то надо признать, что он не был экономическим развивающимся населенным пунктом Джучидского улуса!!! Где нет потери монет – там нет розничной торговли, или же она ничтожна по своим масштабам. Количество монет (из находок), относимых к XIII в. с Селитренного городища менее 0,01%, что соответствует случайным потерям, совершенным в XIV в. Эти утраты никоим образом не могут относиться к XIII веку. (Оценки произведены по работам разных лет В.Г. Рудакова, В.П. Лебедева и В.Б. Клокова – самым объемным по охвату нумизматического материала из разных археологических памятников).

Подобный хронологический анализ попадания иноземных монет (третья группа) в погребения можно осуществлять только на основании знания:

- характера местного монетного обращения;
- количественных и качественных характеристик массы монет, находящихся в близлежащих археологических памятниках;
- характера обращения этих монет на рынках, для которых они были предназначены;
- путей попадания этих монет в данную местность и исторических событий, благодаря которым они оказались в данном археологическом памятнике (учет всех ситуаций).

Нельзя сбрасывать со счетов и фактор случайности. Древние монеты (древнеримские, эфталитские, аршакидские, сасанидские, китайские и т.п.), встречающиеся в средневековых погребениях XIII–XV вв., следует признать некритериальными для датировки захоронений.

Вторая группа монет, № 4, – из драгоценных металлов.

Поскольку золотые монеты если и клались в погребения, то очень редко, речь пойдет исключительно о серебряной продукции монетных дворов. Чеканное серебро само по себе предназначено для обращения на всей территории государства. Однако эта аксиома уверенно и однозначно начинает работать в восточных государствах лишь после XVI века (в некоторых раньше, в некоторых – много позднее). Это обусловлено экономическими причинами и особенностями административного управления государствами Востока. Давно не является секретом, что существовали зоны локального обращения серебряных монет. Например, в Золотой Орде таких зон было несколько. Размеры территорий и длительность периода замкнутого обращения монет для разных регионов/районов различны. Не вдаваясь здесь в установление причин этого явления в каждом конкретном случае, можно утверждать, что их основа заключается как в особенностях государственного строительства, внутригосударственной экономической политики верховной власти в целом, так и денежной политики в частности. Так или иначе, в некоторых случаях фактор локальности монетного обращения в данной местности и в определенное время вполне способен помочь в установлении времени захоронения. Этот же фактор позволяет иногда решать вопросы, связанные с локализацией местоположения работавших некогда монетных дворов [4, с. 14–21].

Вторая группа монет, № 5, – из меди и сплавов без содержания серебра.

Как правило, эти монеты выпускались для местного обращения. Для многих из этих эмиссий как в XIII, так и в XIV в. характерна локальность обращения. Исключение составляют некоторые выпуски пулов при хане Узбеке и основные выпуски ханов Джанибека, Бердибека и Хызра.

Особо необходимо отметить, что датировка захоронений XIV – первой половины XV в. по находимым монетам в Нижегородском Поволжье, а также в Чувашии и Мордовии затруднена из-за неразработанности датировки выпуска многих типов и вариантов серебряных монет, подражающих ордынским дангам XIV века. Именно такие монеты чаще всего и встречаются в захоронениях этого времени. Поэтому каждый раз подобные находки должны становиться предметом серьезных исследований нумизматов, одновременно с изучением находок из археологических памятников.

Хочется также обратить внимание читателя на качество публикации монет, найденных в ходе раскопок. *Во-первых*, должны публиковаться фотоизображения всех найденных монет (с обеих сторон каждый экземпляр), и так, чтобы можно было определить штемпель чеканки каждой монеты (если ее состояние само позволяет это сделать). Четкие, хорошо читаемые изображения (именно фотографии, а не рисунки) не должны быть меньше размеров оригинала, а желательно в 1,5 раза крупнее (иногда в 2 – для мелких удельных русских монет). *Фотоизображения монет – это не иллюстративный, а документальный источниковедческий материал*, который позволяет если не сразу, то со временем, с накоплением нумизматами конкретных знаний уточнять, опровергать или подтверждать ранее сделанные выводы. *Во-вторых*, их метрологические параметры должны быть подробно описаны. Должен быть указан, как минимум, вес и диаметр. Конечно, очень важным параметром является плотность металла монеты, определенная методом гидростатического взвешивания, но это уже вопрос индивидуального исследования каждого нумизматического объекта. Публикации чьих бы то ни было атрибуций без подтверждающих изображений монет сейчас являются неполноценными (если это не предварительные результаты исследований, за которыми последуют подробные добротные и полные научные нумизматические исследования), поскольку их фактическую информацию, как правило, невозможно проверить не то что через 50, а уже через несколько лет. А говорить о возможности сравнения поднятого археологами материала с другими находками вообще становится невозможно.

В заключение хочется отметить, что информация, сообщаемая нумизматическим источником, столь многогранна, а иногда неожиданна для исследователя, что даже перечислить каждый вариант невозможно. Колоссальную роль для извлечения этой информации играют субъективные факторы: полнота и достоверность собранной информации; применяемые исследователем методы анализа; уровень, глубина и комплексность анализа источника; подготовка исследователя – умение выбрать самые важные факторы для решения поставленных задач и оценить степень влияния других факторов и умение творчески подходить к анализу материала; соблюдение исследователем методологического подхода к изучению нумизматических памятников; разработанность методов изучения и т.п. Нет и не может быть рецептов по извлечению всей информации из нумизматического источника, поскольку элементы спектра этой информации проявляют себя индивидуально в каждом конкретном случае. Но эта дискретность информации обманчива, так как она интегрирована как в конкретно-исторические, так и общеисторические реалии средневекового общества. А сам нумизматический источник связан множеством нитей практически со всеми сферами жизни людей прежних эпох. Еще не все возможности этого источника исследованы и используются, но хочется надеяться, что развитие такой отрасли источниковедческой науки, как нумизматика, будет продолжаться на новом уровне и со временем раскроет все свои возможности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акиндинов С.В., Камышев А.М., Петров П.Н. Баласагун и Орду – монетные дворы второй четверти XIII века (Новые факты из истории Кыргызстана) // ЭВ. Вып. XXIX. М., 2011.
2. Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М., 2001.
3. Бабенко В.А., Обухов Ю.Д. Монеты в погребениях Маджара и его округа // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18–21 октября 2010 г.). Астрахань, 2010.
4. Байпаков К.М., Петров П.Н. Кайалык – город Великой Монгольской империи. Нумизматический и археологический аспекты // Денежное обращение и торговля средневекового Казахстана: Материалы международной научно-практической конференции 8–10 июня 2006 г. Туркестан. Туркестан, 2007.
5. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М., 1977. С. 21 – أُبْجَد.
6. Баски И. Тамги и этнические названия (Вклад тамга-знаков в этногенез татар) // ТА. 1997. № 1. С. 129–155.
7. Беляев В.А., Настич В.Н., Петров П.Н. Орду ал-`Азам в Хотане и Кабак. Новые монгольские монетные дворы XIII в. // Нумизматика. М., 2004. С. 20–22.
8. Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде (историко-археологическое исследование). Астрахань, 2007.
9. Гончаров Е.Ю. Очерк монетного дела в улусе Джучи на рубеже 770-х – 780-х гг.х. Нумизматический комментарий к книге И.М. Миргалеева «Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана» // Труды международной нумизматической конференции: «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». IV МНК. М., 2008. С. 52–58.
10. Грачев А.И. О «правлении» хана Джанибека в Джурджане // НЗО. Вып. 1. Казань, 2011. С. 94–102.
11. Давидович Е.А. Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов второй половины XII в. // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977.
12. Давидович Е.А. История денежного обращения средневековой Средней Азии (медные монеты XV – первой четверти XVI в. в Мавераннахре). М., 1983.
13. Давидович Е.А. История монетного дела Средней Азии XVII–XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидов). Душанбе, 1964. С. 53.
14. Давидович Е.А. Канибадамский клад караханидских монет // СА. 1961. № 1.
15. Давидович Е.А. Корпус золотых и серебряных монет Шейбанидов XVI века. М., 1992. С. 431, рис. 3, № 3–5.
16. Давидович Е.А. О локальных вариантах развития товарно-денежных отношений в IX–XVI вв. (на примере Южного Таджикистана) // Товарно-денежные отношения на Ближнем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979.
17. Давидович Е.А. О монетах дикханов Илака конца X – начала XI в. (и методе их интерпретации М.Н. Федоровым) // Древность и средневековье народов Средней Азии (история и культура). М., 1978.
18. Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979а.
19. Даутова Р.А. Функции арабоязычных монет в позднесредневековых могильниках Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы атеизма: Сборник трудов. Грозный, 1977.

20. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
21. *Камышев А.М.* Зооморфные изображения на медных монетах Шейбанидов как продолжение золотоордынской традиции // НЗО. Вып. 2. 2012.
22. *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.
23. *Кочнев Б.Д.* Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). Ч. I: Источниковедческое исследование. М., 2006.
24. *Крамаровский М.Г.* Мангуптская находка: седьмиджидские отражения в Крыму и на Северном Кавказе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XV. Симферополь, 2009.
25. *Крамаровский М.Г.* Петрарка о бедах Скифии (Золотой Орды) в 1360-х гг. // История и современность. 2007. № 2.
26. *Кропоткин В.В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967.
27. *Лебедев В.П.* Нумизматические этюды саратовского краеведа и нумизмата Ю.Е. Пырсова (1930–1997) // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Т. 2. Н. Новгород, 2000. С. 12–13.
28. *Лебедев В.П., Клоков В.Б.* Монетный клад XV в. с селища Каменный Бугор близ развалин средневекового Сарая // НЗО. Вып. 2. 2012.
29. *Лебедев В.П., Павленко В.М.* Иноземная монета в золотоордынском Маджаре // Труды Международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». IV МНК. М., 2008.
30. *Лебедев В.П., Павленко В.М.* Неизданные джучидские медные монеты из Маджара // XII ВНК: Тезисы докладов. М., 2004.
31. *Лебедев В.П., Павленко В.М., Бугарчев А.И.* Комплекс медных монет с Маджарского городища // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». I МНК – Саратов, 2001, и II МНК. Муром, 2003. М., 2005.
32. *Лихачев Н.П.* Материалы для истории русской и византийской сфрагистики // Труды музея палеографии АН СССР. Т. II. Л., 1930. С. 92–93, примеч. 3.
33. *Массон М.Е.* Исторический этюд по нумизматике Джагатаидов (по поводу Таласского клада монет XIV в.) // ТСГУ. Вып. CXI, 1957.
34. *Нарожный Е.И.* О некоторых находках XIII–XIV веков с территории «Грозненской области» (по материалам личного архива грозненского краеведа П.М. Севостьянова) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005.
35. *Нарожный Е.И.* Средневековые кочевники Северного Кавказа. Армавир, 2005.
36. *Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б.* Евразийские монеты XIII века с территории Северного Кавказа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 1.
37. *Настич В.Н.* Алматы – монетный двор XIII в. // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Т. 2. Н. Новгород, 2000. С. 257–266.
38. *Настич В.Н.* Если на клетке слона написано «Бегемот»... Где чеканились монеты Коканда с «посмертным» именем Малла-хана? // ЭВ. Вып. XXIX. М., 2011. С. 181–184.
39. *Настич В.Н.* Еще раз о пресловутом «запрете на изображения» в исламе (по данным нумизматики) // Тезисы докладов и сообщений Международной конференции «Ислам и проблемы межцивилизационного взаимодействия». М., 1992.
40. *Настич В.Н.* Свидетельствуют монеты (был ли в исламе запрет на изображения живых существ?). Ч. 2 // Современный ислам. 2012. № 2(9).

41. *Настич В.Н.* Свидетельствуют монеты (был ли запрет на изображения живых существ в исламе?). Ч. 1 // Современный ислам. 2012. № 1(8).
42. *Настич В.Н.* Хронограммы на монетах монгольских улусов XIII в. // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: Археология, история, этнология, культура: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого. Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года. СПб., 2005. С. 276–277.
43. *Настич В.Н., Гончаров Е.Ю.* По поводу одного «открытия» в джучидской нумизматике // Бартольдские чтения, год 10: Тезисы докладов и сообщений. М., 1993. С. 50–51.
44. *Настич В.Н.* Еще раз о пресловутом «запрете на изображения» в исламе (по данным нумизматики). 2006. Сайт: <http://rasmircoins.ucoz.ru/publ/3-1-0-8>
45. *Настич В.Н.* Улджайтимур-хан: время и деньги (нумизматический обзор) // ЭВ. Вып. XXVIII. М., 2009. С. 168–186.
46. *Обухов Ю.Д.* Китайская монета с городища Маджары // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II: Археология, антропология, палеоклиматология. М., 2001.
47. *Павленко В.М.* Маджарский клад дангов конца XIV в. // XV ВНК. Тезисы докладов. М., 2009.
48. *Павленко В.М., Лебедев В.П.* Нумизматические «новинки» из Маджара // Труды Международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». III МНК – Старый Крым, 2004. М., 2005.
49. *Пачкалов А.В.* О местоположении Орду – монетного двора Джучидов (постановка проблемы) // XI ВНК: Тезисы докладов. СПб., 2003. С. 85–86.
50. *Пачкалов А.В.* К вопросу об именных монетах Мамаю // НЗО. Вып. 2. Казань, 2012. С. 117–118.
51. *Перхавко В.Б.* Распространение пломб дрогичинского типа // ДГВЕ 1994. М., 1996. С. 211–247.
52. *Петров П.Н.* Ваджра на монетах Чагатаидского государства // Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа: Материалы к учебным курсам: в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова. Казань, 2010. С. 123–141.
53. *Петров П.Н.* Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе. // ЗЦ. Вып. 3. 2010. С. 122–127.
54. *Петров П.Н.* Монгольские монетные дворы XIII века и Орду ал-А'зам // Нумизматика. Июль. М., 2006. С. 19–22.
55. *Петров П.Н.* Находки дирхемов конца XIII в. из Дев-кескен-кала // ЗЦ. Вып. 4. 2011. С. 230–231.
56. *Петров П.Н.* Очерки по нумизматике монгольских государств XIII–XIV веков. Н. Новгород, 2003. С. 76.
57. *Петров П.Н.* Хронология правления ханов в Чагатаидском государстве в 1271–1368 гг. (по материалам нумизматических памятников) // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 310–314.
58. *Петров П.Н.* Русские средневековые свинцовые пломбы из находок в Городце на Волге // Древности Нижегородского Поволжья. Нумизматический сборник. Вып. II. Т. 1. Н. Новгород, 1997. С. 48–64.
59. *Полубояринова М.Д.* Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 165–175.

60. Пономарев А.Л. Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи (квантитативная нумизматика и процессы средневековой экономики). М., 2002.
61. Пономарев А.Л. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. М., 2011.
62. Понне Н.Н. Золотоордынская рукопись на бересте // СВ. 1941. № 2.
63. Рева Р.Ю. Неизвестный Сайид-Ахмад // XIII ВНК. Москва, 11–15 апреля 2005 г.: Тезисы докладов и сообщений. М., 2005.
64. Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Среднеазиатского Междуречья IX–XIII веков // Искусство Среднего Востока. М., 1978.
65. Федоров-Давыдов Г.А. Клад золотых монет XIII в. из Средней Азии // НЭ. Т. II. М., 1960. С. 125–126, типы 28, 29.
66. Федоров-Давыдов Г.А. Торговля Нижневолжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. I. Йошкар-Ола, 1998.
67. Филоненко В.И. Тамги татарских кладбищ г. Евпатории. Симферополь, 1928.
68. Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева, или Золотой Орды, с монетами разных иных мусульманских династий в прибавлении. СПб., 1832. С. 20.
69. *Album St.* A Checklist of Islamic Coins. Santa Rosa, 1998. P. 110, A2272.
70. *Fraehn Ch.M.* Recensio numorum muhammedanorum. Petropoli, 1826.
71. *Soret F.* Catalogue de la collection de medailles orientales du Dr. de Sprewitz. Geneva, 1825. P. 16.
72. *Taube M., Cerensodnom D.* Die Mongolica der Berliner Turfansammlung. Berliner Turfantexte XVI. Berlin, 1993.

Сведения об авторе: Павел Николаевич Петров – научный сотрудник Центра исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук (Казань, Российская Федерация); ppn@zmail.ru

SOME ASPECTS OF MEDIEVAL ORIENTAL NUMISMATICS AS A HISTORICAL SOURCE (2)*

P.N. Petrov

(Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

This article contains a concise representation of the most challenging issues of the medieval Oriental numismatics. The author emphasizes the importance of the numismatic information for the study of the economic situation in the states and in some regions, of the dynamics of commodity-money relations, of the nature of the monetary policy pursued by the authorities, of the structure of money circulation in the states, of the administrative structure of the states and its changes over time, of the political declaration of power by issuers of coins, of the religious policy of the states, of the sequence and chronology of the reigns, and of many other aspects of Oriental history. In parallel, the article points to some limitations of numismatics as a historical source. The author points to the impossibility to formulate a patterned approaches, rules, and regulations, which observance in the numis-

* Ending of the article. Beginning see: Golden Horde Review, 2013, no. 1, pp. 177–206.

matic research would always lead to the obtaining of all necessary and standardized information. The numismatic objects are polyparametric, and in most cases their parameters appear to be informative and may be disclosed only in specific historical situations of the particular historical periods and of the particular states.

Keywords: medieval Oriental numismatics, coin legends, coins issuer and title, metal used in coins, mint, dating of the coins, images on the coins, coin cartouche, religious symbols, tamgas.

REFERENCES

1. Akindinov S.V., Kamyshev A.M., Petrov P.N. *Balasagun i Ordu – monetnye dvory vtoroj chetverti XIII veka (Novye fakty iz istorii Kyrgyzstana)* [Balasagun and the Horde – the Mints of the Second Quarter of the 13th Century (New facts of the Kyrgyzstan history)]. *Jepigrafika Vostoka – Oriental Epigraphy*. Is. XXIX. Moscow, 2011.
2. Afanas'ev G.E., Runich A.P. *Mokrajaja Balka* [The Wet Wash]. Is. 1. *Dnevnik raskopok* [The Diary of Excavations]. Moscow, 2001.
3. Babenko V.A., Obuhov Y.D. *Monety v pogrebenijah Madzhara i ego okrugov* [The Coins in the Burials of Major and Its Districts]. *Arheologija Nizhnego Povolzh'ja: problemy, poiski, otkrytija. Materialy III Mezhdunarodnoj Nizhnevolzhskoj arheologicheskoy konferencii (Astrahan', 18–21 oktjabrja 2010 g.)* [Archeology of the Lower Volga Region: Problems, Searches, Discoveries. Materials of the 3rd International Archaeological Conference of the Lower Volga Region (Astrakhan, 18–21 October, 2010)] Astrakhan', 2010.
4. Bajpakov K.M., Petrov P.N. *Kajalyk – gorod Velikoj Mongol'skoj imperii. Numizmaticheskij i arheologicheskij aspekty* [Kajalyk – the City of the Great Mongol Empire. Numismatic and Archaeological Aspects]. *Denezhnoe obrashhenie i torgovlja srednevekovogo Kazahstana. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 8–10 ijunja 2006 g.* [Money Circulation and Trade in the Medieval Kazakhstan. Proceedings of the International Scientific-Practical Conference, 8–10 June 2006, Turkestan]. Turkestan, 2007.
5. Baranov H.K. *Arabsko-russkij slovar'* [Arabic – Russian Dictionary]. Moscow, 1977.
6. Baski I. *Tamgi i etnicheskie nazvanija (Vklad tamga-znakov v etnogenez tatar)* [The Tamgas and Ethnic Names (Contribution of the Tamga-marks in the Tatars' Ethnogenesis)]. Kazan, 1997, no. 1.
7. Beljaev V.A., Nastich V.N., Petrov P.N. *Ordu al-'Azam v Hotane i Kabak. Novye mongol'skie monetnye dvory XIII v.* [Ordu al-'Azam in Hotane and Kabak. New Mongolian Mints of the 13th Century]. Numizmatika. Moscow, 2004.
8. Vasil'ev D.V. *Islam v Zolotoj Orde (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie)* [Islam in the Golden Horde (historico-archaeological study)]. Astrakhan', 2007.
9. Goncharov E.Ju. *Ocherk monetnogo dela v uluse Dzhuchi na rubezhe 770-h – 780-h gg. h. Numizmaticheskij kommentarij k knige I.M. Mirgaleeva «Politicheskaja istorija Zolotoj Ordy perioda pravlenija Toktamysh-hana»* [Essay on the Ulus of Jochi's coinage at the turn of 770's – 780's AH. The Numismatic Commentary on the I.M. Mirgaleev's Book "The Political History of the Golden Horde during the Reign of Khan Toktamysh"]. *Trudy mezhdunarodnoj numizmaticheskoy konferencii: «Monety i denezhnoe obrashhenie v mongol'skih gosudarstvax XIII–XV vekov»* [Proceedings of the International Numismatic Conference: "Coins and Money Circulation in the Mongolian States of 13th–14th Centuries"]. IV MNK. Moscow, 2008.

10. Grachev A.I. *O «pravlenii» hana Dzhanibeka v Dzhurdzhane* [On the "Rule" of Janybek in Gurgan]. *Numizmatika Zolotoj Ordy – Numismatics of the Golden Horde*. Is. 1. Kazan, 2011.
11. Davidovich E.A. *Voprosy hronologii i genealogii Karahanidov vtoroj poloviny XII v.* [Questions on the Chronology and Genealogy of the Karakhanids at the Second Half of the 12th Century]. *Srednjaja Azija v drevnosti i srednevekov'e (istorija i kul'tura)* [Central Asia in Antiquity and the Middle Ages (History and Culture)]. Moscow, 1977.
12. Davidovich E.A. *Istorija denezhnogo obrashhenija srednevekovoj Srednej Azii (mednye monety XV – pervoj chetverti XVI v. v Maverannahre)* [History of the Money Circulation in Medieval Central Asia (copper coins of 15th – the first quarter of the 16th century in Transoxiana (Maverannahr))]. Moscow, 1983.
13. Davidovich E.A. *Istorija monetnogo dela Srednej Azii XVII–XVIII vv. (Zolotyje i serebrjanye monety Dzhanidov)* [The History of Coinage in Central Asia of 17th–18th Centuries (Gold and silver coins of Dzhanids)]. Dushanbe, 1964.
14. Davidovich E.A. *Kanibadamskij klad karahanidskih monet* [The Kanibadam Hoard of Karakhanid Coins]. *Sovetskaja arheologija – Soviet Archeology*. 1961, no. 1.
15. Davidovich E.A. *Korpus zolotykh i serebrjanykh monet Shejbanidov XVI veka* [Corpus of the Gold and Silver Coins of the 16th Century's Sheibanids]. Moscow, 1992.
16. Davidovich E.A. *O lokal'nykh variantakh razvitija tovarno-denezhnykh otnoshenij v IX–XVI vv. (na primere juzhnogo Tadzhikistana)* [On the Local Variants of Development of the Commodity – Money Relations in the 9th–16th Centuries (on the example of southern Tajikistan)]. *Tovarno-denezhnye otnoshenija na Blizhnem Vostoke v epohu srednevekov'ja* [Commodity-Money Relations in the Near East in the Middle Ages]. Moscow, 1979.
17. Davidovich E.A. *O monetakh dihkanov Ilaka konca X – nachala XI v. (i metode ih interpretacii M.N. Fedorovym)* [On the Dihkan Coins of Ilack at the end of 10th – Beginning of 11th Century (and on the method of their interpretation by M.N. Fedorov)]. *Drevnost' i srednevekov'e narodov Srednej Azii (istorija i kul'tura)* [Antiquity and the Middle Ages of the Central Asian Peoples (History and Culture)]. Moscow, 1978.
18. Davidovich E.A. *Klady drevnykh i srednevekovykh monet Tadzhikistana* [The Hoards of Ancient and Medieval Coins in Tajikistan]. Moscow, 1979.
19. Dautova R.A. *Funkcii arabojazychnykh monet v pozdnesrednevekovykh mogil'nikakh Checheno-Ingushetii* [The Functions of Arabic Coins in the Late Medieval Chechen-Ingush Cemeteries]. *Arheologija i voprosy ateizma. Sbornik trudov* [Archaeology and the Questions of Atheism. Collection of Works]. Grozny, 1977.
20. Egorov V.L. *Istoricheskaja geografija Zolotoj Ordy v XIII–XIV vv.* [Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries]. Moscow, 1985.
21. Kamyshev A.M. *Zoomorfnye izobrazhenija na mednykh monetakh Shejbanidov kak prodolzhenie zolotoordynskoj tradicii* [Zoomorphic Images on the Copper Coins of Sheibanids as a Continuation of the Golden Horde Tradition]. *Numizmatika Zolotoj Ordy – Numismatics of the Golden Horde*. 2012. Is. 2.
22. Karpov S.P. *Ital'janskie morskije respubliki i Juzhnoe Prichernomor'e v XIII–XV vv.: problemy trgovli* [Italian Maritime Republics and the Southern Black Sea Coast in the 13th–15th Centuries: The Problems of Commerce]. Moscow, 1990.
23. Kochnev B.D. *Numizmaticheskaja istorija Karahanidskogo kaganata (991–1209 gg.)* [Numismatic History of the Karahanids Khanate (991–1209)]. Part. I. *Istochniko-vedcheskoe issledovanie – The Study of Sources*. Moscow, 2006.
24. Kramarovskij M.G. *Manguptsкая находка: sel'dzhukidskie otrazhenija v Krymu i na Severnom Kavkaze* [The Mangupt Finding: Seljuk Reflections in the Crimea and North Caucasus]. *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii* [Materials on the Archeology, History, and Ethnography of the Tavrida]. Is. XV. Simferopol', 2009.

25. Kramarovskij M.G. *Petrarka o bedah Skifii (Zolotoj Ordy) v 1360-h gg.* [Petrarch on the Troubles of Scythia (Golden Horde) in the 1360's]. *Istorija i sovremennost' – History and the Present*, 2007, no. 2.
26. Kropotkin V.V. *Ekonomicheskie svjazi Vostochnoj Evropy v I tysjacheletii nashej jery* [The Economic Relations of Eastern Europe in the I Millennium AD]. Moscow, 1967.
27. Lebedev V.P. *Numizmaticheskie etjudy saratovskogo kraevedy i numizmata Ju.E. Pyrsova (1930–1997)* [Numismatic Studies of the Saratov Local Historian and Numismatist Yu.E. Pyrsov (1930–1997)]. *Drevnosti Povolzh'ja i drugih regionov* [Antiquities of the Volga Region and Other Regions]. Is. III. Vol. 2. N.Novgorod, 2000.
28. Lebedev V.P., Klokov V.B. *Monetnyj klad XV v. s selishha Kamennyj Bugor bliz razvalin srednevekovogo Saraja* [The Coin Hoard of 15th Century from the Settlement Kamennyj Bugor near the Ruins of a Medieval Saray]. *Numizmatika Zolotoj Ordy – Numismatics of the Golden Horde*. 2012. Is. 2.
29. Lebedev V.P., Pavlenko V.M. *Inozemnaja moneta v zolotoordynskom Madzhare* [The Foreign Coin in the Golden Horde Major]. *Trudy mezhdunarodnoj numizmaticheskoj konferencii. «Monety i denezhnoe obrashhenie v mongol'skih gosudarstvah XIII–XV vekov»* [Proceedings of the International Numismatic Conference "Coins and Money Circulation in the Mongolian States of 13th–15th Centuries"]. IV MNK. Moscow, 2008.
30. Lebedev V.P., Pavlenko V.M. *Neizdannye dzhuchidskie mednye monety iz Madzhara* [Unpublished Jochid Copper Coins of Major]. *XII VNK. Tezisy dokladov* [XII National Numismatic Conference. Proceedings]. Moscow, 2004.
31. Lebedev V.P., Pavlenko V.M., Bugarchjov A.I. *Kompleks mednyh monet s Madzharskogo gorodishha* [Corpus of the Copper Coins from the Major Settlement]. *Trudy mezhdunarodnyh numizmaticheskikh konferencij «Monety i denezhnoe obrashhenie v mongol'skih gosudarstvah XIII–XV vekov»* [Proceedings of the International Numismatic Conference "Coins and Money Circulation in the Mongolian States of 13th–15th Centuries"]. I MNK – Saratov 2001 i II MNK – Murom 2003. Moscow, 2005.
32. Lihachev N.P. *Materialy dlja istorii russkoj i vizantijskoj sfragistiki* [Materials for the History of Russian and Byzantine Sphragistics]. *Trudy muzeja paleografii AN SSSR*. [Proceedings of the Paleographical Museum of the Academy of Sciences of the USSR]. Vol. II. Leningrad, 1930, note 3.
33. Masson M.E. *Istoricheskij jetjud po numizmatike Dzhagataidov (po povodu Talasskogo klada monet XIV v.)* [Historical Study on the Chagataid Numismatics (on the Talas coin hoard of 14th century)]. *Trudy Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Central Asian State University]. Is. CXI, 1957.
34. Narozhnyj E.I. *O nekotoryh nahodkah XIII–XIV vekov s territorii «Groznskoj oblasti» (po materialam lichnogo arhiva groznenskogo kraevedy P.M. Sevost'janova)* [On Some Findings of the 13th–14th Centuries from the "Region of Grozny" (based on the personal archives of local historian of Grozny P.M. Sevostyanov)]. *Materialy i issledovanija po arheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Researches on the Archeology of the North Caucasus]. Is. 5. Armavir, 2005.
35. Narozhnyj E.I. *Srednevekovye kochevniki Severnogo Kavkaza* [Medieval Nomads of the North Caucasus]. Armavir, 2005.
36. Narozhnyj E.I., Narozhnaja F.B. *Evrazijskie monety XIII veka s territorii Severnogo Kavkaza* [Eurasian Coins of the 13th Century from the Northern Caucasus]. *Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii – Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Eurasia*. 2009, no. 1.
37. Nastich V.N. *Almaty – monetnyj dvor XIII v.* [Almaty – the Mint of 13th Century]. *Drevnosti Povolzh'ja i drugih regionov regionov* [Antiquities of the Volga Region and Other Regions]. Is. III. Vol. 2. N. Novgorod, 2000.

38. Nastich V.N. *Eshhe raz o preslovutom «zaprete na izobrazhenija» v Islame (po dannym numizmatiki)* [Once again on the Notorious "Banning of the Images of Living Beings" in Islam (according to numismatics)]. *Tezisy dokladov i soobshhenij Mezhdunarodnoj konferencii "Islam i problemy mezhcivilizacionnogo vzaimodejstvija"* [Proceedings of the International Conference "Islam and the Problems of Interaction between Civilizations"]. Moscow, 1992.

39. Nastich V.N. *Eshhe raz o preslovutom «zaprete na izobrazhenija» v Islame (po dannym numizmatiki)* [Once again on the Notorious "Banning of the Images of Living Beings" in Islam (according to numismatics)]. Available at: <http://rasmircoins.ucoz.ru/publ/3-1-0-8>

40. Nastich V.N. *Esli na kletke slona napisano «Begemot» ... Gde chekanilis' monety Kokanda s «posmertnym» imenem Malla-hana?* [When on the Elephant's Cage "Behemoth" is Written... Where the Kokand Coins with the "Posthumous" Name of Malla Khan Were Minted?]. *Jepigrafika Vostoka – Oriental Epigraphy*. Iss. XXIX. Moscow, 2011.

41. Nastich V.N. *Hronogrammy na monetah mongol'skih ulusov XIII v. Central'naja Azija ot Ahemenidov do Timuridov: Arheologija, istorija, jetnologija, kul'tura. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 100-letiju so dnja rozhdenija Aleksandra Markovicha Belenickogo. Sankt-Peterburg, 2–5 nojabrja 2004 goda* [Chronograms on the Coins of the Mongol Uluses in 13th Century. Central Asia from the Achaemenids to Tamerlane: Archeology, History, Ethnology, Culture. Proceedings of the International Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Alexander Belenitsky. St. Petersburg, 2–5 November 2004]. Saint-Petersburg, 2005.

42. Nastich V.N. *Svidetel'stvujut monety (byl li zapret na izobrazhenija zhivyh sushhestv v islame?). Ch. 1* [Coins Give Evidence (whether in Islam there was a ban on images of living beings?). Part 1]. *Sovremennyy islam – Modern Islam*, 2012, no. 1(8).

43. Nastich V.N. *Svidetel'stvujut monety (byl li v islame zapret na izobrazhenija zhivyh sushhestv?). Ch. 2* [Coins Give Evidence (whether in Islam there was a ban on images of living beings?). Part 2]. *Sovremennyy islam – Modern Islam*, 2012, no. 2(9).

44. Nastich V.N. *Uldzhaytimur-han: vremja i den'gi (numizmaticheskij obzor)* [Uldzhaytimur Khan: The Time and Money (numismatic review)]. *Jepigrafika Vostoka – Oriental Epigraphy*. Iss. XXVIII. Moscow, 2009.

45. Nastich V.N., Goncharov E.Ju. *Po povodu odnogo «otkrytija» v dzhuchidskoj numizmatike* [About One "Discovery" in the Jochid Numismatics]. *Bartol'dovskie chtenija, god 10: Tezisy dokladov i soobshhenij* [Bartold's Readings, Year 10: Proceedings]. Moscow, 1993.

46. Obuhov Ju.D. *Kitajskaja moneta s gorodishha Madzhary* [Chinese Coin from the Majar Settlement]. *Materialy po izucheniju istoriko-kul'turnogo nasledija Severnogo Kavkaza. Is. II: Arheologija, antropologija, paleoklimatologija* [Materials for the Study of Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus. Iss. II: Archaeology, Anthropology, Paleoclimatology]. Moscow, 2001.

47. Pavlenko V.M. *Madzharskij klad dangov konca XIV v.* [The Majar Hoard of Dangs of the end of the 14th Century]. *XV VNK. Tezisy dokladov* [XV National Numismatic Conference. Proceedings]. Moscow, 2009.

48. Pavlenko V.M., Lebedev V.P. *Numizmaticheskie «novinki» iz Madzhara* [The Coin "Novelties" from Majar]. *Trudy mezhdunarodnoj numizmaticheskoi konferencii «Monety i denezhnoe obrashhenie v mongol'skih gosudarstvax XIII–XV vekov»* [Proceedings of the International Numismatic Conference "Coins and Money Circulation in the Mongolian States of 13th–15th Centuries"]. III MNK – Staryj Krym 2004. Moscow, 2005.

49. Pachkalov A.V. *K voprosu ob imennyh monetah Mamaja* [On the Question of Inscribed Coins of Mamay]. *Numizmatika Zolotoj Ordy – Golden Horde Numismatics*. Iss. 2. Kazan, 2012.
50. Pachkalov A.V. *O mestopolozenii Ordu – monetnogo dvora Dzhuchidov (postanovka problemy)* [On the Location of the Horde – the Mint of Juchids (formulation of the problem)] *XI VNK. Tezisy dokladov* [XI National Numismatic Conference. Proceedings]. Saint-Petersburg, 2003.
51. Perhavko V.B. *Rasprostranenie plomb drogichinskogo tipa* [Distribution of the Seals of Drogichin type]. *Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy 1994* [The Most Ancient States of Eastern Europe 1994]. Moscow, 1996.
52. Petrov P.N. *Vadzhra na monetah Chagataidskogo gosudarstva* [Vajra on the Coins of Chagatay State]. *Aktual'nye problemy istorii i kul'tury tatarskogo naroda: Materialy k uchebnym kursam: v chest' jubileja akademika AN RT M.A.Usmanova* [Actual Problems of the History and Culture of the Tatar People: Materials for the Training Course: In Honor of the Anniversary of Academician M.A.Usmanov, AS RT]. Kazan, 2010.
53. Petrov P.N. *Khronologija pravlenija hanov v Chagataidskom gosudarstve v 1271–1368 gg. (Po materialam numizmaticheskikh pamjatnikov)* [Chronology of the Khans' Reigns in Chagatay State in 1271–1368 (based on numismatic monuments)]. *Tjurkologičeskij sbornik 2007–2008. Istorija i kul'tura tjurkskih narodov Rossii i sopredel'nyh stran* [Turkological Collection 2007–2008. History and Culture of the Turkic Peoples of Russia and Neighboring Countries]. Moscow, 2009.
54. Petrov P.N. *Klad iz Dev-kesken-kala i voprosy nachala chekanki serebrjanyh monet v Dzhuchidskom uluse* [The Treasure of the Dev-kesken-kala and the Questions on the Beginning of the Silver Coins' Minting in the Juchid Ulus]. *Zolotoordynskaja civilizacija – Golden Horde Civilization*, Is. 3. Kazan, 2010.
55. Petrov P.N. *Mongol'skie monetnye dvory XIII veka i Ordu al-A'zam* [Mongolian Mints of the 13th Century and Ordu al-A'zam]. *Numizmatika*. Moscow, 2006.
56. Petrov P.N. *Nahodki dirhemov konca XIII v. iz Dev-kesken-kala* [The Finding of Dirhams of the End of the 13th Century from Dev-kesken-kala]. *Zolotoordynskaja civilizacija – Golden Horde civilization*, Is. 4. Kazan, 2011.
57. Petrov P.N. *Očerki po numizmatike mongol'skih gosudarstv XIII–XIV vekov* [Essays on Numismatics of Mongol States of 13th–14th Centuries]. N. Novgorod, 2003.
58. Petrov P.N. *Russkie srednevekoveye svincovye plomby iz nahodok v Gorodce na Volge* [Russian Medieval Lead Seals from the Findings in Gorodets on the Volga]. *Drevnosti Nizhegorodskogo Povolzh'ja. Numizmatičeskij sbornik* [Antiquities of the Volga Region near the Nizhny Novgorod. Collected Works on Numismatics]. Is. II. Vol. 1. N. Novgorod, 1997.
59. Polubojarinova M.D. *Znaki na zolotoordynskoj keramike* [Signs on the Golden Horde Ceramics]. *Srednevekoveye drevnosti evrazijskih stepej* [Medieval Antiquities of Eurasian Steppes]. Moscow, 1980.
60. Ponomarev A.L. *Den'gi Zolotoj Ordy i Trapezundskoj imperii (kvantitativnaja numizmatika i processy srednevekovoj ekonomiki)* [Money of the Golden Horde and the Empire of Trebizond. The Quantitative Numismatics and the Processes of Medieval Economy]. Moscow, 2002.
61. Ponomarev A.L. *Evoljucija denezhnyh sistem Prichernomor'ja i Balkan v XIII–XV vv.* [Evolution of the Monetary Systems of the Black Sea Region and the Balkans in the 13th–15th Centuries]. Moscow, 2011.
62. Poppe N.N. *Zolotoordynskaja rukopis' na bereste* [The Golden Horde Manuscript on the Birch Bark]. *Sovetskoe vostokovedenie – Soviet Oriental*, 1941, no. 2.

63. Reva R.Y. *Neizvestnyj Sajid-Ahmad* [Unknown Sayyid Ahmad]. *XIII VNK. Moskva, 11–15 aprelja 2005. Tezisy dokladov i soobshhenij* [XIII National Numismatic Conference. Moscow, 11–15 April 2005. Proceedings]. Moscow, 2005.
64. Rempel' L.I. *Arhitekturnyj ornament Sredneaziatskogo Mezhdurech'ja IX–XIII vekov* [Architectural Ornament of the Central Asian Interfluvial Area of the 9th–13th Centuries]. *Iskusstvo Srednego Vostoka* [Middle East Art]. Moscow, 1978.
65. Fedorov-Davydov G.A. *Klad zolotykh monet XIII v. iz Srednej Azii* [The Golden Coin Hoard of the 13th Century from Central Asia]. *Numizmatika i Jepigrafika – Numismatics and Epigraphy*. Vol II. Moscow, 1960.
66. Fjodorov-Davydov G.A. *Torgovlja Nizhnevolzhskih gorodov Zolotoj Ordy* [The Trade of the Golden Horde Cities in the Lower Volga Region]. *Materialy i issledovanija po arheologii Povolzh'ja* [Materials and Researches on the Archeology of the Volga Region]. Is. I. Yoshkar-Ola, 1998.
67. Filonenko V.I. *Tamgi tatarskih kladbishh g. Evpatorii* [The Tamgas of Tatar Cemeteries in Eupatoria]. Simferopol', 1928.
68. Fren H.M. *Monety hanov Ulusa Dzhuchieva, ili Zolotoj Ordy, s monetami raznyh inyh musul'manskih dinastij v pribavlenii* [The Coins of the Khans of the Ulus of Jochi, or the Golden Horde, with the Coins of Other Muslim Dynasties in the Supplement]. Saint-Petersburg, 1832.
69. Album St. *A Checklist of Islamic Coins*. Santa Rosa, 1998.
70. Fraehn Ch.M. *Recensio numorum muhammedanorum*. Petropoli, 1826.
71. Soret F. *Catalogue de la collection de medailles orientales du Dr. de Sprewitz*. Geneva, 1825.
72. Taube M., Cerensodnom D. *Die Mongolica der Berliner Turfansammlung. Berliner Turfantexte XVI*. Berlin, 1993.

About the author: Pavel Nikolaevich Petrov – Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde History, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kandidat nauk (scientific degree) in historical studies (Nizhny Novgorod, Russian Federation); ppn@zmail.ru